

ОЛЕГ СЕБАСТЬЯН

ИСХОД

ЗАГОВОР
УШЕДШИХ

Олег Себастьян

Исход (Заговор ушедших)

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19053688
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Основные события, описываемые в романе, происходят в Германии в конце лета – начале осени 2013 года. Полицейский комиссар Ангелика Рамзайер расследует жестокое убийство, случившееся в Берлине и осложненное наличием как крайне малого числа улик, так и принадлежностью жертвы к эмигрантской среде выходцев из бывшего СССР. В ходе кропотливой и упорной работы перед комиссаром и ее молодым помощником Фюрне стала раскрываться масштабная картина событий, имевших причины в далеком прошлом и, в свою очередь, явившихся отголоском еще более жестокого столкновения двух политических мировоззрений. Параллельно с, казалось неторопливой, вдумчивой и полной сомнений, работой полицейских разворачивается стремительно спираль иных событий, всасывающих в себя, как водоворот, новый широкий круг людей и безжалостно калечащих их судьбы. И снова на повестку дня выходит основной вопрос о соразмерности насилия и цели, им достигаемой...

Олег Себастьян

Исход

(Заговор ушедших)

...Фиолетовый ирбис взлетал на скальный выступ – «лоб» – оглядывался и, будто дожидаясь, ложился на припорошенный лёгким снежком красноватый камень, нетерпеливо сворачивая и разворачивая пушистый хвост. Его неподвижные глаза надменно смотрели на двух следовавших за ним людей. Едва они оказывались в десятке шагов от только что преодоленного снежным барсом подъема, как барс вставал, потягивался, повернувшись спиной, и неторопливо продолжал путь наверх до следующей остановки. Оставшийся за тремя путниками – зверем и людьми – склон скрылся за перегибом, а стена, на которую они карабкались, неумолимо разрасталась перед ними, уходя высоко в небо, словно превращаясь в колоссальный барьер, преграждавший подъем из бездны в Неизвестное... Но барс неумолимо вел их наверх по только одной ему знакомой ниточке, и в людях, вырвавшихся из безысходности, разгорался огонёк надежды...

Все три живых существа объединяли ощущение враждебности мира гор и готовность прийти друг другу на помощь.

Второй, раненый в ногу, передвигался с видимым усилием, все чаще останавливаясь для отдыха. И барс ирбис, по-

нимая звериным инстинктом, как труднее этим двуногим с оружием становится идти по звериной тропе, по-прежнему бесшумно ставил лапы, оставаясь на том же удалении, что в самом начале пути...

...Тропа, отмеченная пунктиром следов зазмеилась сначала влево, потом загнулась резко вправо на казалось совсем непреодолимый хаос непонятно как державшихся камней. Когда люди вскарабкались на очередную площадку, они увидели огромную трещину, прорезавшую горную стену, и через трещину им в глаза ударило зеленое пятно долины...

До нее еще оставался нелегкий и опасный путь, но, вырвавшись из мира забвения, люди ощутили силу и решимость вернуться к живым. Барс лег на камне неподалеку от трещины и, держа ровно голову, смотрел на людей, уверенный в своей силе...

И люди, проходя мимо него всего в нескольких шагах, остановились, подняли кверху оружие и склонили головы. Потом они осмотрительно начали спускаться, но, перед тем как исчезнуть, еще раз оглянулись и встретились взглядами с ирбисом. И почудилось им, будто властелин гор опустил перед ними свою голову и чуть смежил блиставшие ровным голубым светом глаза...

Люди пропали за перегибом, но барс еще долго не уходил, терпеливо дождавшись мига, когда крохотные фигурки мелькнули на дальнем зеленом пятне в трещине в красноватом камне...

Ирбис высоко подскочил и, свернув хвост, сделал прыжок вокруг себя. Припав к земле, он с мгновение полежал, а затем встал и исчез в нагромождении камней...

...Золотистый ретривер с шумом бросился в воду, доплыл до брошенной палки, схватил ее и, отряхиваясь на траву берегового уклона, понесся к стоявшему метрах в пяти над рекой преклонных лет седому мужчине. Подбежав и выпустив палку из пасти, пес уселся на задние лапы и, ерзая, с нетерпеливым отрывистым лаем, требовал продолжения. Хозяин его, стоя на верхнем краю спускавшейся к реке каменной лестницы, кинул палку в реку, окаймлявшую парк. Собака через мгновение снова выбралась на берег, отряхнулась, но внезапно выронила палку и нагнула голову, приняв к траве. «Simwa, mein braver Junge... Komm!», – позвал хозяин, но ретривер, пригнувшись к траве, перебежками передвигался по диагонали к кустам, окружавшим плотными живыми изгородями подножья высоких тополей, росших вдоль берега. Старик стоял все там же и тщетно подзывал собаку.

Та добежала до кустов, обступивших самое высокое и чуть наклонившееся в сторону от воды дерево, до половины туловища просунулась вовнутрь и вдруг, выскочив обратно бешеным прыжком, легла на траву и заскулила, то приподнимая голову, то опуская ее между лап... Старик медленным, осторожным шагом двинулся к собаке по уклону, оступаясь и с трудом удерживаясь на мокрой траве. Когда он подошел вплотную к собаке, та вдруг завyla, и старик раздвигался.

нул руками колючие кусты...

Он увидел на прогалине внутри невероятно белое среди полумрака тело и, почувствовав дурноту, отпрянул назад и, не устояв, неловко упал навзничь, дернув головой, и почувствовал резкую боль в шее уже лежа на траве. Симва вскочил и оглушительно залаял над самым его ухом...

...Старик очнулся от резкого запаха – кругом стояли и ходили люди, в форме, в зеленых костюмах, в повседневной одежде, мужчины и женщины. Его поддерживали за плечи и затылок, и молодая женщина сидела на корточках перед ним, о чем-то его спрашивая. «...geht's Ihnen jetzt gut?», – услышал старик будто из глубины. От молодого, низкого голоса вернулись все звуки и картина окружавшего приблизилась... Симву никто не держал за поводок, он лежал сбоку от женщины и изредка поскуливал...

«Ihr Hund ist so ein richtiger Schützer...», – улыбнулась женщина, посмотрела на старика внимательно и спросила: «Möchten Sie jetzt bissle Ruhe haben? Komissär hat ein Paar Fragen an Sie.» «Ich stehe Ihnen gerne zur Verfügung», – улыбнулся старик и сделал попытку приподняться. Но и темнота в глазах на мгновение охватила его, он прилег, удерживаемый невидимыми сильными руками, на траву. Женщина встала, что-то громко сказала и еще через минуту старик почувствовал, что его приподнимают с земли и укладывают на твердое, потом его тело колыхнулось от толчка и он ощутил себя в невесомости и сознание вновь оставило его. Опять откуда-то

издали раздался слабый лай...

Криминальный комиссар Бремикер дежурил с полуночи в Polizei Bezirksverwaltung в Лихтенфельде. Район был несколько лет назад объединен из восточно-берлинского и западно-берлинского округов и представлял пока еще для начальства сложность. Лихтенфельд, как шутили на совещаниях в Полицей-президиуме Большого Берлина, пример «интеграции Востока и Запада»...

Здесь собрались все проблемы бывших жителей восточно-германской столицы, неудачников из Западного Берлина и расселившихся как саранча иммигрантов, в основном русских и вьетнамцев. Если последние, в основном потомки, родственники, друзья тех, кто в свое время учился в «русской оккупационной зоне», жили изолированно и не пускали чужих в свое загадочное сообщество, то русские, напротив, вели весьма шумное существование, живя непонятно как и непонятно на какие средства. Впрочем – и об этом полиция хорошо была информирована – основные доходы подавляющего числа русского населения Лихтенфельда пополнялись из государственной кассы помощи безработным.

Но именно русские сумели превратить свой неопределенный статус в постоянный, нисколько его не стесняясь, и удивительным образом демонстрировали внешне совершенно небедный уровень жизни. Постоянно по Лихтенфельду ездили кавалькады машин, при виде которых сам Бремикер и его сослуживцы лишь скрежетали зубами. Такими же удиви-

тельными были и шумные празднества, устраиваемые русскими, на которые частенько прибывали турки из Нойкельна, те турки, которые постоянно фигурировали в криминальных сводках...

Хватало и прочих – наркодилеров со всей Восточной Европы, румын, албанцев, черногорцев, даже темпераментных визитеров из Латинской Америки, которым удавалось неизвестными путями задержаться здесь надолго. Жила вся эта публика по многочисленным сдаваемым квартирам, а то и просто в брошенных домах – порядок со времен Падения Стены еще не успели навести, а с переездом государственных ведомств с Запада стало просто не до расчистки этих Авгиевых конюшен, что постоянно отвлекало силы полиции исключительно лишь на попытки хоть как-то разобраться в калейдоскопе переселения. На предотвращение преступлений уже элементарно не хватало никаких возможностей, дай бог бы разобраться, кто здесь вообще существовал...

Ночь была достаточно спокойная для Лихтенфельда – три драки после футбола не в счет, десяток взятых с «травой» латиносов и турок. Двое из латиноамериканцев не имели вообще никаких документов, их доставили в управление и лишь в понедельник, когда откроются суды, нужно было решать вопрос об их пребывании в стране. Волокита с этой мелюзгой предстояла громоздкая, и об этом Бремикер старался не думать, с ужасом представляя, какие огромные средства потратят всего лишь на высылку – вот куда только!? – этой шпа-

ны. В то время, как неведомыми путями и способами наслаждаются жизнью, не собирающиеся никуда скрываться люди, которых правительство пригласило непонятно за какие заслуги в страну. Бремикер всегда вспоминал своих родителей, бежавших из Восточной Пруссии, едва сводивших концы с концами многие годы, и, отчаиваясь что-то понять, принимался за работу с удвоенной энергией...

...Вызов поступил от патруля в 9.27 утра воскресенья. Дежурный сообщил – «Убийство в парке около Sportforum. Вызвали сначала машину «Красного креста» прохожие для помощи человеку с собакой. Рядом в кустах обнаружили тело. Патрульные вызвали еще один патруль и закрыли вход в парк.»

Бремикер выслушал и отправился в кабинет дежурных комиссаров за оружием. Там сидели двое – Вернер Грейнер и Ангелика Рамзайер, лет пятидесяти, старший советник юстиции из Полицай-Президиума. «Срочно выезжаем к Sportforum, обнаружено тело...», – объявил Бремикер, доставая из сейфа пистолет. «Вернер, к 11-ти должны приехать из прокуратуры и Aussländerbehörde насчет этих двух латиноамериканцев, а, как управитесь, присоединяйтесь к нам», – Бремикер знал хорошо про педантичную требовательность фрау Рамзайер относительно жаргонных прозвищ национальностей контингента, с которым сотрудникам юстиции приходится иметь дело, и поэтому тщательно подбирал слова во время дежурств с Ангеликой. Она встала: «Сей-

час скажу начальству, что буду на выезде». Она взялась за трубку телефона и, пока набирала номер, уточнила: «Я буквально через две минуты...» Бремикер и Грейнер быстро вышли.

Бремикер, проходя мимо стойки дежурного, приказал. «Со мной еще двух человек.» Полицейский миниавтобус ожидал с работавшим мотором на выезде с парковки. Вместе с Бремикером влезли выбежавшие вслед за ним из здания двое сотрудников в штатском. Водитель Хайнц обернулся к Бремикеру: «Адрес уже у меня есть. Выезжаем?» «Ждем фрау Рамзайер.» Все сидевшие в автобусе одновременно повернули головы к выходу из управления. Ангелика подбежала к машине.

Немного задохнувшись, она села с размаху в кресло рядом с Бремикером и громко сказала: «Поехали!» Водитель безропотно повиновался, включил сирену, и машина резко вывернула на улицу.

В течение десяти минут езды никто в автобусе не разговаривал. На подъезде к огромному зданию Sportforum ждала патрульная машина. Они сбавили ход и въехали на просторную площадку перед зданием, пересекли ее и остановились у дальней аллеи, поросшей высокими деревьями. Бремикер вышел первым и подал руку Ангелике.

Место было уже огорожено лентой. Рядом стояла машина «Красного Креста». Перед лентой стояли двое патрульных из городской полиции. «Господин комиссар», – перед Бре-

микером предстал полицейский. Поднимая ленту перед прибывшими, он продолжал:». вызов пришел патрулю N 13—41 в 10:43 от прохожих, обнаруживших в бессознательном состоянии на берегу пожилого человека. Сначала они позвонили в «Красный крест», а потом уже нашли тело в кустах...»

Бремикер оглядываясь, уточнил у собеседника: «Сразу огородили место?» «Да! Первый патруль тотчас же после прибытия и обнаружения тела вызвал еще одну машину, она прибыла через семь минут, и закрыли полностью проход в парк вдоль берега...»

Перед кустами на краю берега находился еще один сотрудник в форме. Сзади на площадке перед берегом разворачивали аппаратуру парамедики. Бремикер зашел вовнутрь, следом вошла Ангелика.

...Они увидели обнаженное тело мужчины, окоченевшего в позе лежа на животе. Руки его были вывернуты вперед ладонями на траве. Ноги, короткие и худощавые, раздвинутые на ширине плеч чуть сгибались в коленях. Голова выбритая, лежала уткнувшись лицом в землю и сильно свернутая к плечу. Бремикер наклонился и увидел засохшее темное, размером с тарелку, пятно крови, в которое погрузилась голова лежавшего. Окружавшие кусты на первый взгляд не имели никаких повреждений, будто тело каким-то образом опустили сверху. Наверное, такая же мысль пришла в голову и Ангелике, как и Бремикер, вскинувшей голову и оглядевшей верхушки кустов.

«Сначала пусть потрудятся медики», – проговорил Бремикер и, выйдя из кустов, позвал людей. Через минуту в кустах уже шла работа. Парамедики развернули свои аксессуары, а Бремикер с Ангеликой вышли из кустов. «Кто первым обнаружил?», – спросил Бремикер сотрудника, встречавшего их у ленты. «Первым был старик. Он гулял с собакой. Ему стало, очевидно, плохо, он упал здесь...» – сотрудник подвел Бремикера и Ангелику к месту на склоне, где был обнаружен владелец собаки.

Трава была недавно скошенная и примятости на ней были заметны лишь при тщательном осмотре. «Пока его приводили в себя, затоптали все следы...», – недовольно проговорил Бремикер. «Господин комиссар, все-таки для нас главное люди...», – Ангелика оставалась педантичной дамой из ведомства юстиции. Её короткая стрижка усиливала впечатление. «Старика уже увезли?», – обратился Бремикер к полицейскому. Тот попросил минуту подождать, наклонился к микрофону рации и уточнил: «Это семнадцатый. Скорая уехала?» Там что-то сказали. «Владелец собаки в машине, ему стало лучше и он готов Вам рассказать.» «Отлично! Фрау Рамзайер, Вы хотите тоже поговорить со стариком, который нашел!?» Ангелика кивнула и пошла за Бремикером и сопровождавшим их сотрудником.

«Вы хорошо себя чувствуете?», – первым делом спросил Бремикер старого мужчину, лежавшего на носилках в салоне санитарной машины. «Да...», – прошептал старик. «...Ес-

ли Вам трудно, то отдохните и мы с Вами поговорим позже...», – вмешалась Ангелика. Старик, слабо улыбаясь, отвечал:». я гулял с собакой...» Он немного задыхался... Ангелика повернулась к врачу и шепотом спросила: «Что с ним произошло?» «По-видимому, ему стало плохо, у него сердце едва билось, как его нашли лежавшим на земле. И сейчас его нельзя никуда везти, пока пульс не поднимется. Но поговорить пока можно.»

Ангелика вернулась к Бремикеру, стоявшему нерешительно подле пациента: «Долго его не надо тревожить.» Бремикер кивнул и только спросил еще: «Вы нашли сами?..:» Старый мужчина побелел и задохнулся.

Врач, извинившись, отстранил Бремикера и Рамзайер: «Как только он сможет что-то еще сказать, я вас позову...» «Наверное, уже не надо старика беспокоить», – ответила Ангелика и они вышли наружу. Лежавшая у машины большая золотистого цвета собака на миг подняла морду и снова уткнула ее между лапами. Ангелика не удержалась и погладила собаку по голове. Та даже не двинулась.

«Значит, придется все восстанавливать самим», – проговорил Бремикер и предложил Ангелике пройти вместе с ним к каменной лестнице, спускавшейся к реке. На той стороне стояли неподвижные башенные краны и издали разносилась приглушенная заунывная музыка, то ли турецкая, то ли какая еще восточная. Противоположный берег Шпрее, посыпанный серой пылью со стройки, был пуст...

«Первый вопрос, как обычно, когда!?» – начал Бремикер и глянул на Ангелику. Та кивнула и неторопливо оглядывала берег и травяной склон. «Где!? – это понятно. Вряд ли станут убивать где-то, чтобы потом грузить труп в машину и везти сюда, в центр города...» «Но тут место довольно на отшибе...», – возразила Ангелика, продолжив: «Самая большая трудность в этом случае – въехать на машине, здесь есть проезд только через центральные ворота площади форума. А сами аллеи довольно узки...» «Тогда план обследования местности таков», – сказал Бремикер: «Рассматриваем две основные версии – труп привезли сюда и аккуратно занесли в кусты. В этом случае сообщников должно быть как минимум двое. Соответственно, ищем следы колес на аллее, опрашиваем охрану форума, не видели ли вечером машину.!?»

«Да... Сначала ходим к медикам, узнаем, когда все примерно произошло...», – спохватился Бремикер. «...А вторая версия – самая безнадежная...», – не стала далее уточнять Ангелика.

Бремикер и сам чувствовал эту безнадежность – если только убитый ранее не проходил по картотекам и сводкам, то установление личности может затянуться надолго. Особенно удручало отсутствие каких-то опознавательных предметов на теле... Хотя и тут не все потеряно, надо только дождаться обследования тела...

Видно, с отпуском придется повременить до следующего года, так он уже пропустил четыре возможности вырваться

на отдых и вряд ли уже предоставится еще «окошко» до самого Рождества...

С этими невеселыми мыслями он снова подошел вслед за Ангеликой к кустам, где суетились криминалисты.

«...Убийство произошло от десяти до пятнадцати часов назад...», – не ожидая вопроса, начал дежурный оберарцт Курт Фельдман: «Причина смерти, скорее всего, сильный удар в висок при падении. Но это станет ясно после вскрытия. Также голова поражена проникающим ранением снизу, из подбородочной области на всю высоты головы, острым предметом...» Тут криминал-арцт пригласил обоих инспекторов за собой.

...Они вошли в пространство между кустами, раздвинутыми перед ними стоявшим тут полицейским. Под деревом было довольно темно и приходилось нагибаться под низко росшими ветвями. Голое тело в полумраке казалось снежно-белым. Врач опустил на колени и осторожно повернул голову...

На Бремикера глянули черные, лишенные выражения глаза. На самой макушке гладкой поверхности головы склеился клочок пуха. Кончик острого подбородка покрывала темное пятно в форме правильной окружности. Врач еще чуть-чуть приподнял голову, взявшись за скулы руками в белых тонких перчатках. От шеи тела издался трескучий резиновый звук.

«Под кустами ночью было прохладно и окоченение наступило скорее, чем произошло бы на открытом месте», – буд-

то извинился он, приглашая комиссаров присесть. Под челюстью крови было больше, особенно сильно загустело в самой середине нижней челюсти. К удивлению Бремикера крови было мало. Это заметила и Рамзайер и показала пальцем на густое вязкое пятно. «Это след удара снизу», – объяснил врач:» крови вышло мало, потому что, вероятнее всего, смерть наступила раньше. Но убитого еще раз ударили острым длинным предметом.»

«Понятно», – Бремикер встал с колен. Рамзайер еще на некоторое время задержалась, осматривая молочного цвета голову, чуть тронутую проросшими волосами. «Думаю, что убили, где-то неподалеку», – констатировала она свои наблюдения, выйдя за Бремикером из кустов. Бремикер кивал и оглядывался.

Явно виднелась полоса на траве, будто примятая от перетаскивания. «Надо осмотреть весь берег от лестницы и дальше», – Ангелика тоже обратила внимание на примятость. «Фрау Рамзайер, давайте посмотрим сначала сами», – предложил Бремикер: «вызовем пять человек, чтобы прошли по берегу...» Он посмотрел на часы – было двенадцать тринадцать – «Вызовите из управления, думаю, что часа на два...» Ангелика возразила: «Франц, давайте сначала подытожим то, что мы здесь увидели, составим план действий...» Бремикер вспыхнул, но про себя признал правоту Рамзайер. «Где комиссар Грейнер?», – спросил он дежурившего полицейского. Тот включил рацию, поговорил недолго и доложил:.

«Комиссар Грейнер приехал минут пятнадцать назад и сейчас разговаривает с секьюрити Форума. Его вызвать?» «Пускай закончит и подходит к нам. Спросите, сколько ему еще надо времени.» Сотрудник снова заговорил. «Еще полчаса, комиссар.» «Хорошо! Передайте, что ждем его здесь...»

Бремикер обратился к Ангелике: «Итак, что вы уже можете сказать, фрау советник?» Ангелика не успела ответить. К ним подошел криминалист: «Господа, сняли отпечатки отпечатки, все, которые нашли, на теле и вокруг. На теле только в районе головы. Больше ничего. Еще сняли, но очень размазанные, с кустов и ветки дерева. Обработаем уже в лаборатории, но гарантии получить что-то стоящее, мало...» «Почему с ветки?», – удивился Бремикер. Ангелика тут же объяснила, не дав сказать эксперту: «В кустах ветки растут низко и, чтобы выйти, надо отвести ветку в сторону. Хотя можно пройти и нагнувшись. Но вдруг повезет!?» Криминалист с улыбкой подтвердил, обращаясь к Бремикеру: «...Мы точно так же подумали...» «Видеосъемку закончили?», – уточнил еще Бремикер. «Да, сразу как только пришли, еще до работы экспертов...» «Тогда криминалистам можно ехать в лабораторию...», – Бремикер на ходу соображал, что можно тут еще придумать для экспертов.

«Думаю, что надо все-таки осмотреть ступеньки...», – раздался голос Рамзайер. Бремикер и криминалист посмотрели друг на друга, а потом на нее. «Медик определил, что смерть наступила раньше, чем тело оказалось в кустах...»

Бремикер согласно кивнул. «Рана на виске говорит в пользу того, что потерпевшему нанесли смертельное ранение где-то в районе парка...» «Мы как раз для этого и хотим вызвать людей», – возразил Бремикер. «Комиссар,» – в присутствии коллег Ангелика всегда обращалась к нему официально – «давайте попытаемся восстановить путь, каким тело оказалось в кустах, хотя-бы на участке от аллеи или от этой лестницы...» Бремикер колебался, Рамзайер же продолжала: «Сотрудники, что осмотрели аллею, не обнаружили – пока еще – никаких повреждений растительности и никаких следов покрывок. Значит, вероятнее всего, тело внесли в кусты с берега. К тому же по аллее надо нести вдвоем, как минимум, и ломать кусты. Скорее всего, то, что тело привезли на машине, можно исключить. Комиссар Грейнер еще может что-то выяснить, но это маловероятно...»

Бремикер в глубине души отдавал должное логике фрау юстиц-советник и пока не находил доводов к возражению. «...Также можно практически исключить, что тело привезли и, тем более, принесли сюда раздетым. Думаю, что нам надо остановиться, как основной, версии убийства уже в этом районе. Потом потерпевшего, уже в бессознательном состоянии, дотащили до кустов, ударили еще раз снизу под нижнюю челюсть, затем раздели. Преступник, вероятнее всего, взял одежду, и все, что было на убитом, с собой и ушел...»

Бремикер еще не построил для себя более-менее цельной картины, так пусть хоть Рамзайер пока предлагает, решил

он про себя. «Значит, надо перерывать все мусорные баки в округе километра и искать выброшенную одежду с пятнами крови?» «А что еще остается?», – сощурила Рамзайер и так уже казавшиеся узкими за стеклами очков голубые глаза. «Если бы еще знать, во что убитый был одет...» Бремикер обратился к молчавшему криминалисту: «Вы можете постараться определить приблизительно, что было на теле?» Тот с сомнением проговорил: «Ну разве что по анализу микро-частиц можем установить, из чего состояла одежда – убитого или другого... Но, какой фирмы и что было написано на футболке, к примеру...», – он улыбнулся: «Разве что, дело бы шло об убийстве какого-нибудь Promi...» Ангелика тоже усмехнулась: «Думаю, что нужды в таком уж кропотливом анализе не дойдет... Вы как думаете, коллега?» Бремикер насупился, его задевала безупречная логика Рамзайер.

Сам он слыл тугодумом и не обладал большим воображением в разработке версий, но сейчас он должен был пока согласиться со всеми выслушанными доводами фрау коллеги. И ограничился лишь тем, что сказал: «Надо дать ориентировку для патрулей, чтобы обратили внимание на всех, кто несет поношенную одежду» «Хотя, конечно, одежду могли пронести и в рюкзаке, тем более, вряд ли уже это был объемный узел. Лето же.», – с сомнением добавил Бремикер и распорядился, обратившись к полицейскому: «Пусть увозят тело...»

Ангелика согласно кивнула – новых следов лежавшее те-

ло не давало, а без идентификации тела дело сдвинуться не могло. «А вы... Коллега, помогите нам, пока не придет комиссар Грейнер...», – Бремикер пригласил эксперта задержаться. «Кстати, где комиссар?», – спросил он нетерпеливо полицейского с рацией. Тот снова склонился ухом к рации. «Уже вышел, будет здесь через пять минут...»

Бремикер обратился к коллегам: «Сейчас мы еще и сами поищем, вдруг удастся найти что-то важное...» И все они направились по береговому уклону к кустам, перед которыми упаковывали в прорезиненный чехол вынесенное нагое тело...

...Всю ночь он пытался заснуть и, как только смежило глаза, в уши врывалась разудалая, витиеватая и постоянно повторяющаяся восточная мелодия... Под утро сон наконец овладел им, но раздавшийся откуда-то из подземелья резкий выкрик вырвал его из падения так, что после толчка в нижней части разом потяжелевшего тела – то ли бедер, то ли подошв – в глаза настойчиво стал проникать серый сумрак...

Еще мгновения, прищуриваясь и ощущая тянущую боль в веках, он лежал и пытался припомнить события сна, но ничего, кроме навязчивого набора все более разбежавшихся звуков, не заполняло его голову...

Наконец глаза привыкли к свету августовского утра, он полежал еще с минуту и толкнул плечи вверх...

Переходя из комнаты в комнату, он постепенно вспоминал, что вчера, в воскресенье закончился двухнедельный от-

пуск и наступало утро возвращения на работу. Настенные часы исчезли – все предметы, считавшиеся «излишествами», то есть то, что висело на стенах и стояло на полках, забрала с собой съехавшая во время отпуска жена. К излишествам были отнесены и часы, и теперь он снова стал привыкать, как и в течение долгих лет одинокой жизни в Германии, рассчитывать темп времени, лишь иногда подглядывая на экранчик доставшейся от дележки движимого имущества простенькой «Нокии».

Чувство времени возвратилось, будто и не исчезало, пока он продолжая двигаться из душа в комнату, где нагревался уют, и обратно в ванную – чтобы закончить с умыванием...

Наклонив голову над раковиной и слыша звуки фыркающего чайника, купленного еще в последнем году 20-го века, и с тех пор сопровождавшего его с самого первого дня приезда в Штуттгарт, он уже перебирал в памяти события последних двух недель, которые, как ему чудилось, были лишь предвестниками каких-то неведомых и основательных изменений в его жизни...

Причиной беспокойства стал, как он был убежден, разговор с коллегой на второй день отпуска, которому он позволил рано утром, чтобы отойти после многочасового ночного скандала с женой. Еще за неделю до его отпуска шеф разослал всему отделу приглашение на день рождения к себе домой – так и стояло: «Семья Асбрандт приглашает сердечно в свой семейный дом на торжество» (шеф отличался крайней

серьезностью по отношению к себе, хотя и не чуждался ироничности в разговорах с подчиненными).

В итоге он никуда не пошел, прислав сообщение, в котором не особо даже утрудившись найти извиняющийся тон, просто информировал о своем отсутствии. Определенных планов на отпуск не было, хотя и оживала время от времени мечта посмотреть на Рим.

Вместо «Вечного города» к ним с женой вдруг приехала старшая дочь жены, жившая отдельно от них вот уже несколько лет в Дрездене. Неожиданной стала просьба привезти с собой друга, то ли занимавшегося с ней когда фитнесом, то ли просто очередного «бойфренда».

Ему не хотелось присутствия совсем уже постороннего человека, к тому же немца. Периодические визиты дочерей жены не оставляли ничего, кроме ощущения совершенно потерянного времени и сил души, отданных равнодушным, пустым людям.

Но в этот раз жена чуть ли не ежеминутно ныла об одиночестве брошенной девочки, возможности наконец-то побыть с людьми и как-то отвлечься от бессмысленного прозябания в Дрездене. Он пытался не слышать причитаний, перебивал разговорами на другие темы, но упорство жены не истощалось, и он, чтобы закончилось непрерывное нытье, махнул на все рукой...

Оставалось всего десять минут до поезда, Ему толком не удалось позавтракать – лишь выпить кофе, но в нем распро-

странилось давно задвинутое вглубь, и все-равно неодолимое чувство бесконечной дороги, уходящей к горизонту синеватых гор, какое всегда его охватывало перед тем, как шагнуть в неизвестность и уже не оглядываться...

Будто повинуюсь этому разлившемуся в нем ощущению сменившегося мира вокруг, ноги несли его легко к станции и он не чувствовал к себе никакого волнения...

В поезде он сел по привычке на левой стороне, чтобы смотреть на отсвеченные розовым склоны Таунуса и закрывавшееся постепенно с удалением поезда от Франкфурта лесистые склоны бастиона Альткенига.

В Вайльдорфе к своему большому облегчению он не встречал ни одного из коллег, что не вынуждало в который раз поддерживать ни к чему не обязывавшую его беседу, но крайне важную для коллеги, о политике и очередном «неправильном» поведении России.

Он пошел в этот раз самой дальней, не хоженной им еще, дороге в обход туннеля, к кромке платформы к узкому проходу под насыпью и, пройдя его, очутился на дорожке, с обеих сторон обсаженной высокими, еще не осыпавшимися сакурами...

В это утро очень хотелось удлинить дорогу и оттянуть неизбежное...

Интуиция его не подвела – на совещании стали обсуждать планы до конца года, в том числе дежурство в Рождество, при этом его не упомянули среди тех, кто не был перегружен

семейными и родственными обязанностями в эти бестолковые две недели между Рождеством и Drei Koenige.

По окончании совещания, увидев подходившего к нему шефа, он уже знал, что тот сообщит. Шеф дружелюбно пожал руку и спросил: «Haben Sie fünf Minuten Zeit?» Его ответ был готов будто давно: «Für Sie immer!» Шеф даже улыбнулся и в улыбке было больше искренности, чем обычно.

Никто внешне не обратил внимания на них двоих, лишь King Louis, грек из Англии, душа всех компаний, как всегда в галстук и костюме – schick angezogen – коротко взглянул на него и чуть быстрее, чем было свойственно его плавным движениям, и чуть громче продолжил разговор по телефону...

Объявление о последних двух месяцах так называемого Kündigungsfrist продлилось не более двух минут. Шеф, сказав это, сидел, будто ожидая возражений. Но ничего не произошло – он, в нарушение устоявшейся традиции благодарить за предоставленную возможность оказать свои услуги, встал и вышел.

Шеф, чуть помешкав, вышел вслед и повернул в другую сторону, очевидно постаравшись справиться с удивлением... Луи, все еще заполнявший громкостью разговора помещение, совершенно повернулся лицом к окну, в то время как все другие на мгновение вскинули взгляды и, осмотрев его, продолжили занятия.

Собственно, уверенность и убежденность в новом предпри-

ще пришли к нему, как начали отстукивать эти два месяца. Точнее, решение он принял давно, когда решил высказать в одной из бесчисленных дискуссий в интернете свое мнение, для него лично явившееся итогом опыта в давней прошлой жизни...

Такую ненависть к себе со стороны людей, его совершенно не знавших и, в чем он не сомневался, не бывших в состоянии даже оценить его усилия по переходу из одной жизни в другую, он счел оскорблением его лично и всего того мира, который выдвинул его в свое время на передний край опасности...

Этот мир давно изменился, как он смутно ощущал, и жил по другим законам, выстраивая новые рубежи. Ему на этих новых рубежах, требовавших уже мягкого согласия и снисходительности к слабости, с его опытом непримиримости, места не оставалось.

Он занялся несвойственной ему по натуре кабинетной профессией, основывавшейся на усидчивости и внимательности к построенным искусственным реальностям. Но его постоянно обвевал холодок пустоты, подобно испарине от исчезнувшей опоры под судорожно болтавшимися ногами, когда только дикая боль в разрывавшихся пальцах и судороги в мышцах живота говорили, что он жив...

Опыт жизни в Сети, однако, доставлял и оптимизма – не все сдались новому и непонятному и остались еще верными прошлому с его немногими и ясными принципами и носите-

лям этого старого.

Постепенно находились единомышленники – друг друга они угадывали по не забываемым даже с вершины многих лет сокращениям, мимолетным упоминаниям о давно исчезнувшем и, главное, по скупому, но распознаваемому оттенку уважения и некоторой сентиментальности, свойственной только потерявшим многих и многое и готовым к неизбежности потерь...

Приоткрывались особенности, которые ускользнули от него тогда, молодого и равнодушного к чужому, но которые только сейчас вдруг придали необычайную выпуклость той части исчезнувшего мира, что заполнял его и не был вытеснен, как оказалось по прошествии лет и эпох, никуда...

Оставшиеся недели до вступления в новую жизнь, в которой он, как все больше росла его уверенность, что станет наконец самим собой, посвятил подготовке – педантичной и основательной.

Во-первых, надо было обзавестись оружием – лучше всего привычным, во-вторых, тщательно разработать тактику, в-третьих, – он полагал, что с этим не надо спешить – найти сподвижников...

Но главное – найти первый объект (он усмехнулся от того, что привычно приобретал вроде бы утраченные навыки и привычки), но с этим тоже не виделось никаких серьезных проблем – он наметил одного, особенно «наглого» несправимого собеседника в дискуссии на сайте germany.ru.

Сайт этот отличался наплывом самых разнообразных личностей, обосновавшихся в эмигрантском состоянии чуть ли не во всей Европе. Ежедневно открывались дискуссии по всем на свете проблемам, но касавшихся, в итоге, вековой и непреодолимой отсталости России от «всего цивилизованного мира». Практически каждое обсуждение сводилось к констатации все того же безнадежного отставания от цивилизации некоторых участников, выбранных для «загона».

Сначала он раздражался от непонимания, его сообщения, написанные с чувством, высмеивались и разбирались на составные части, как на уроках по разбору предложений. Он успел узнать о себе все – и свою «совковость» – это слово «совок» его всегда забавляло и никогда он не воспринимал его новое значение, отделенное от первоначального людьми, для которых русский язык был чужим внутренне.

Позже ему растолковали про его убогое владение немецким – поначалу он даже растерялся, пытался объяснить, но как-то раз, написав в ответном комментарии цитату из знакомых наизусть «Приключений Вернера Хольта». Получив в ответ презрительную оценку своего «ужасного немецкого», он развеселился и с тех пор участвовал в дискуссиях все реже и реже и лишь только из охоты позлить завсегдатаев сайта. И все это время тщательно присматривался и готовился...

На работе его не перегружали, он по-прежнему искал ошибки в программах на Коболе, написанных давным-дав-

но, но оказавшихся ко всеобщему удивлению более работоспособными, чем выполненные на новейших и более изысканных языках программирования.

Задачи состояли в исправлении и некоторой адаптации, что не особенно утруждало голову, которая, как бы в фоновом режиме, напряженно трудилась над поставленными вне стен офиса целями.

Отношения с коллегами оставались такими же ровными и необязательными, только теперь он перестал ходить с ними на обед и обсуждать результаты игр с участием FSV Frankfurt. Сам он предпочитал «Боруссию Дортмунд», симпатии к которой у него неожиданно перешли от расположения к ее бывшему тренеру Матиасу Заммеру, рыжему, темпераментному и необузданному.

Он прекратил всякое обсуждение политики, на которое его даже и сейчас провоцировали коллеги. Как-то речь зашла про «агрессивное поведение» России по отношению к «демократической» Грузии, он не удержался от раздражительного ответа, что вызвало – происходило все в кафетерии – внезапное молчание за столом, а потом Луи (что его удивило больше всего) встал и покинул компанию. Штефан переключился на футбол, но он почувствовал, что его присутствие всех отягощало, и тоже ушел, сославшись на дипломатическую причину для дальнейшего отсутствия. Ему вяло кивнули и, как он заметил, с большим облегчением взялись обсуждать очередной проигрыш Франкфурта в воскресенье...

Луи каждый раз при встрече старался принять вид человека, занятого неотложным делом, чтобы иметь повод не приветствовать первым, в деловых разговорах оставаясь корректным и веселым. Впрочем, что было взять с грека, нашедшего свое личное счастье в Германии, и мало чем в этом, отличавшегося от любого другого эмигранта.

Загадку для него представляли бывшие русские или, как все чаще входило в моду, «русскоязычные». Большой ненависти к оставленной стране, к ее исчезнувшему миру (а для них, покинувших ее годы назад, прошлая их жизнь там навсегда оставалась в настоящем) не было ни у кого. Даже у бывших врагов ненависть перекипела и стала забытой частью жизни, которая, тем не менее, значимо однажды вмешалась в их нынешнее проживание.

Он продолжал исследовать свой «объект» и постепенно как бы чувствовал себя, жившим его жизнью, рассматривал привычки, пытался восстановить его прошлое существование и убеждался всякий раз в правильном выборе. Он узрел ясно его самоуверенность и понял, что она представляла отличную возможность встретиться с ее носителем лицом к лицу без особых подозрений.

Решение было принято спонтанно: он написал вызывающее по тону сообщение с обещанием встретить со всеми сопутствующими последствиями. Ответ, как он и ожидал, оказался однозначно предсказуемым – пользователь со странным псевдонимом «Аламо», что называется, «завелся» и на-

значил место встречи чуть ли не в ближайшие выходные, правда, в Берлине, после десяти вечера, около бассейна beim Sportforum Lichtenfeld.

Он сам в Берлине бывал в местах иных, чем в которых обитали русскоязычные эмигранты, Во всеильном Интернете он нашел бассейн и распечатал часть плана, на котором тот значился.

Потом он решил сначала просто приехать к назначенному месту, но не встречаться, разумеется, а издали потом проследить «объект» до его места проживания. В том, что место встречи было выбрано недалеко от дома, он даже не сомневался – он разобрался в сути многих «финансовых консультантов», просто «финансистов», «банкиров» и «бизнесменов» с миллионными счетами, престижными машинами и загородными домами.

Он встречался, еще будучи в Штуттгарте, с некоторыми эмигрантами, прикидываясь новичком на Западе (а про свою долгую жизнь в Штатах и Южной Америке он не распространялся, как и не выдавал владения приличным «американским» английским). И, как «новичок» бывал оглушен множеством «ценных» советов и «крутым» статусом собеседников. Стороной он узнавал – в других компаниях уже – любопытные сведения о статусных знакомых, о размере их пособий и нехитрых уловках по обману «этих немецких идиотов».

Сам он слышал многие такие эмигрантские истории за

океаном и лишний раз убеждался в неизменности породы людей, меняющих страны в поисках несбывавшейся нигде мечты.

Сегодня был вторник и у него на подготовку оставалось безо всякой спешки три дня. Решено им было приехать к месту за час до встречи, но для пущей гарантии следовало побудить «объект» к непреклонной решимости прийти во что бы то ни стало. Он стал (внутренне становясь себе самому неприятным – в прошлой жизни считалось неприличным и непрофессиональным оскорблять противника, тем более умного и тоже готового на смертельный риск, но тут был случай именно выманивания «дичи», для чего пришлось прибегнуть к грубому методу) крайне развязным. Он усвоил пошлую и похабную лексику, употреблявшуюся при «выяснении отношений» в Сети.

«Объект» его не подвел – назвал его «козлом», «запутинцем» (самым сильным оскорблением у этой публики считалось причастность к симпатиям к действовавшему президенту России) и снова пообещал отучить от «совковых привычек». Он усмехнулся про себя и окончательно составил план на выходные.

До Берлина шел, разумеется, ICE, но в срочных обстоятельствах пользуется этими поездами народу существенно меньше, чем прочим транспортом, и все случаи прямого проезда в Берлин из Франкфурта могли быть легко установлены. Другой вариант представлялся предпочтительнее

– воспользоваться Wochenendticket, но поездка растягивалась на несколько часов, причем возрастала вероятность попадания в камеры наблюдения тем выше, чем больше могло быть пересадок в пути.

Кроме того, главным оставалось исчезнуть как можно скорее из мест с потенциальным присмотром не только на обратном, но и на пути к цели. В принципе неплохая оставалась возможность выехать еще в пятницу вечером, разбив маршрут на несколько участков, покупая только один билет до конечного пункта, но дорога снова могла непредвиденно затянуться, а в любых серьезных случаях полиция сразу обращает внимание на массовые коммуникации, на которых налажен всеохватный контроль. Тогда его раскрытие оставалось лишь вопросом времени и педантичности поиска. В этом случае надо было исключить малейшую вероятность попадания в любые базы данных.

Опасно было ехать на машине, даже арендованной – на автобанах. Он знал это по проекту, на котором ему удалось участвовать, создания для Innenministerium централизованных баз учета автотранспорта – в том числе предусматривалась обработка баз изображений с видеокamer на трассах.

Цели обработки не разглашались, но включенный модуль запросов в суточных таблицах всех проходивших автомобилей по номерам, записываемых в отдельную закрытую таблицу, сказал о назначении всей системы больше, чем знакомство с ведомственными документами.

Несколько удивило его тогда легкомысленное (с точки зрения его опыта в другой жизни) отношение к гражданству разработчиков проекта. Хотя, как он уже неоднократно в этом убеждался, зачастую еле скрываемое отношение к иностранным участникам технического прогресса в ставшей для него уже близкой Германии, как к немного неполноценным, становилось причиной многих, не ставших достоянием публики, скандалов и утечек секретов.

Иными словами, общественный транспорт следовало избегать, если не оказывалось другого выбора. А выбор был – и в этом он оценил силу общества потребления – в использовании Mitfahrt, той изящной возможности доехать куда-угодно, оставаясь никому неизвестным, кроме пары попутчиков, которым либо не хватает либо просто жалко денег на более комфортабельные средства доставки. Достаточно зайти, даже не регистрируясь, на сайт любителей подсадки, договориться о встрече в удобном месте и доехать туда, куда нужно...

Он решил на следующий день, в среду, не заезжая домой, отправиться в город и окончательно разобраться, как, с кем и когда он поедет. Выйдет на сайт он из одного из многочисленных интернет-кафе, которых полным-полно в районе Hauptbahnhof, которые содержат турки, арабы и прочий многоголосый неясного происхождения люд, не сильно желавший встреч с полицией и занимавшийся достаточно мутным бизнесом. Особо надо было выбрать место без подклю-

ченной веб-камеры, поскольку, как он знал, эти камеры могли незаметно для пользователя даже самой безобидной порнографии включаться и сохранить то или иное изображение ничего не подозревавшего посетителя.

Чаще всего это делалось для гарантии самого заведения, но никто из держателей подобных кафе не станет возражать просьбам полиции вспомнить того или иного посетителя, особенно если сотрудничество с государством способствует продлению вида на жительство. У него имелось на примете крохотное заведение на несколько мест с убогой периферией, как раз напротив турецкой парикмахерской. Он там бывал уже несколько раз, и хозяин, афганец, должно быть его уже запомнил, во всяком случае, его очередной приход не станет подозрительным.

Следующим важным делом было оружие, но он предпочел не думать сейчас о нем, хотя, по долгосрочности намерений, он нуждался в нем прежде всего. Затруднительно крайне было планировать предстоящие акции, но по опыту прошлой жизни, который, как он сейчас это видел, в данных обстоятельствах более всего подходил для намеченного, выбор состоял в дополняющих одно другое ноже и пистолете.

Ножом он и прежде пользовался редко, только стальной заточкой-«двадцаткой» сантиметров в тридцать-сорок длины. И, конечно, «Стечкин» с глушителем, но для полной гарантии требовался еще и обычный, и по-хорошему полный цинк патронов. Проблема с пистолетом решалась небыстро,

но пока терпела. Всего-то надо было найти людей, причастных к выводу из Германии бывших советских войск, они бы подсказали.

Единственное, что не терпело – это составление списка «объектов», из которых тот, к которому он собрался ехать в выходные, уже через три дня, рассматривался им как всего лишь учебный. На нем следовало отработать в новых, прежде неизвестных условиях, как на тренировке с обязательным последующим подробным разбором, важнейшие элементы всего своего плана...

Само устранение его мало заботило – как он успел уже понять в бытовых стычках с соседями – его навыки никуда не делись, их следовало лишь восстановить. Именно поэтому он, повинуясь скорее рефлексам и позывам застоявшегося тела, начал интенсивно тренироваться, ощущая радость от устававших после упражнений мышц. Сначала было тяжело и, приходя на работу, он чувствовал, как разрывается тело от мало-мальски резких движений.

Он через совсем короткое время удивился, насколько тело его помнит напряженную работу, выполненную им больше двадцати лет назад, и как возвращается сила и резкость в руки и ноги. Тренироваться он предпочитал на улице – то на балконе своей квартиры, то в рощице на берегу Нидды – но, к его неудовольствию, он не мог скрыть от других занимавшихся на открытом воздухе, специфичность своих тренировок и скоро почувствовал, как на него обращают внимание

соседи.

Известность не волновала его до сегодняшнего дня, теперь же она становилась серьезной помехой, также требовавшей какого-то решения. Неприятность могла произойти от произошедшего месяца три назад конфликта вокруг помещения, как раз под его квартирой, на первом этаже, двери из которой открывались прямо на лужайку перед домом.

Помещение, как выяснилось вскоре после переезда их, тогда еще с женой, из Кельна, использовалось для празднеств и обширно заполнялось по выходным, в том числе и в святое для немцев – воскресенье-Ruhetag – для музыки и приготовления восточной пищи со специфическими запахами лука.

Начиналось все, как правило, в два часа дня. Квартира наполнялась скрипящими и раздражающими звуками двигаемой мебели. Когда однажды стало нестерпимым, он отправился вниз под предостережения жены о терпимости и вежливости.

На стук приоткрылась дверь, и молодой, толстоватый турок с наглой уверенностью сообщил, что это их *privatgemieteter Raum*, за который они заплатили и могут делать все, что угодно.

Он сделал ошибку, поинтересовавшись, имеет ли для них значение, что наверху живут люди. Ответ прозвучал убедительно: «Wenn da oben Deutsche gewohnt hätten, dann hätten wir sie zu uns einladen können». Последовала вторая ошибка – он вспылил: «Ok, soll ich dann die Polizei anrufen, oder?»

Ему все-таки не хватало навыка в ссорах на немецком. Из-за плеча его собеседника уже выглядывало несколько голов и одна произнесла «А...Рюсски...» Все захохотали и дверь закрылась...

Он в некотором раздумье постоял и отправился наверх к себе. Жена до крайности возбудилась, пошла пятнами: «Ты ничего не сказал им лишнего? Это же турецкое быдло, на них жаловаться бесполезно...»

Внизу веселье пошло громче и скоро пол, казалось, стал двигаться от громкого однообразного ритма. Громче стали и голоса – из-под пола и снаружи, перед домом. Он вышел на балкон – на лужайке собралось несколько групп – парни, мужчины, женщины, все громко – по-турецки, по-немецки – переговаривались, курили...

Увидев его, снизу стали весело кричать. Лужайка заполнялась людьми, другие выглядывали из-под низа балкона, ржали весело. Он не уходил – наконец вышел и тот, кто встретил его в дверях, тоже оглядел его с ухмылкой.

Он снова вошел в комнату, взял фотоаппарат и вышел на балкон – тот все еще стоял, курил и громко разговаривал в группе парней. В нем легко заколотился, начался тот самый лихорадочный внутренний озноб, который всегда его сопровождал при начале операций.

Сейчас для него начиналась очередная «работа», казалось отставленная уже навсегда – он неторопливо навел фотоаппарат на группу людей и щелкнул. Внизу резко подняли го-

ловы и раздались угрожающие крики: «Эй. Рюсськи...»

На балкон залетел окурок. Жена выскочила на балкон, стала перекрикиваться. Захлопали открывавшиеся двери внизу, затем раздались уже визгливые женские крики... Визг жены перекрыл все: «ich ruf die Polizei...» Она всегда забывала отделяемую приставку при возбуждении...

Музыка внизу становилась все громче, перебивая разговор в квартире и заглушая телевизор. Жена то кричала ему: «Зачем ты вообще пошел к ним!?!», то выскакивала на балкон, что-то там неслышное в гуле пыталась крикнуть, потом снова упрекала его: «Кто тебя просил с этим быдлом разговаривать!?!»

Он ничего не отвечая, включил компьютер и скопировал фотографию с камеры – получилось не очень четко, но того самого, что был в дверях, удавалось распознать. Затем он вырезал на экране только интересовавшее его фрагмент с лицом и распечатал его. Удалил фотографии в фотокамере и удалил их с компьютера, как бы для себе самому объясняя, что при необходимости их можно восстановить. Музыка тем временем барабанила по полу и стенам...

Все заканчивается однажды, так закончилась в тот вечер, скорее ночью, и веселье, ставшее для него спусковым крючком возврата к прежнему, которое он стремился забыть. Внизу раздавался скрип, двери под балконом хлопали, перед домом громко и разноголосно шумели мужские и женские голоса. Он вышел снова на балкон, и снова раздался ливень

выкриков и угроз, на которые он никак не реагировал.

Он искал лишь того, чью фотографию недавно сделал, и разыскал – турок угрожающе приглашал его к себе, в окружении приятелей, тоже недобро посматривавших наверх. Он не стал ничего отвечать, лишь заметил, в какую сторону направилась компания – к соседнему высотному...

Бабы еще долго не расходились, кудахтали, показывали вверх неприличные жесты, но вскоре разошлись и они... Отзвуки криков медленно растворялись в загустевшей мгле. Над домом распространилась, как после отрокотавшего камнепада, неустойчивая тишина звездной ночи...

Он вспомнил про валявшиеся по дороге в Беркерсхайм бетонные панели с торчавшей арматурой. Не откладывая, взял ножовку, бывшую среди прочих инструментов, спустился, неся рюкзак со спрятанной пилой, и быстро нашел эти плиты. Они были сложены в стороне от дороги, изрядно уже заросли и не были видны прохожему.

Вылезавшие из бетона прутья оказались как раз нужного размера – двадцатка и подходящей длины. Противный звук пилы, казалось, распугивал все живое, к счастью, никто за этот час не помешал ему, а когда проезжал велосипедист, что было слышно издалека, он замирал за кустами. Наконец нужный кусок был отпилен. Он немного прошелся под темневшим уже быстро августовским небом и сосредоточенным вернулся к себе. К сожалению, дом были слишком пронизаемым, звуки скрежетавшего о ребристую поверхность

напильника нестерпимо отражались от поверхностей стен и о затачивании прута ночью не могло быть и речи. Теперь встала проблема, совершенно им непредвиденная – где заточить, чтобы не привлечь к себе внимания!? Впрочем, он тут же вспомнил обилие предложений по оказанию услуг, заполнявших добрую половину любого эмигрантского издания, будь то газета, глянецовый журнал или ставший более привычным сайт в интернете. Дома у него лежала целая кипа, складываемых журналов, в которых появлялись статьи, написанные женой, видно у издательств оставалась проблема со сбытом и они щедро высылали ей десяток экземпляров. Он пролистал первый вытасченный наугад из кучи журнал, нашел рубрику «Предлагаю услуги...» Попутно заметил объявления программистов, готовых установить интернет и провести любые настройки сети, подумал, что такие наверняка могут пригодиться... Вот и то, что искал: «Выполню качественно, быстро и недорого любые механические работы...» «...Ага – «...звонить в любое время.» – посмотрел привычно на стену, где еще недавно висели часы, затем на мобильник – еще только десять восемнадцать – набрал номер. Ответили практически сразу, со второго гудка. Договорились, что всего за двадцать евро ему обточат болванку прута и даже смогут привезти ее на дом. От этой услуги он отказался, сошлись на том, что через час – а мастерская находилась в Борнхайме, недалеко от Заальбургерштрассе (он хорошо знал эти полюбившиеся ему места, недавно исходил

их вдоль и поперек, рассчитывая со временем перебраться поближе к Остендепарку или на Панорамабад, с которого открывался вид на котловину Зеккенхайма) – он привезет заготовку и еще через час-полтора заберет ее. Он не хотел затягивать, тем более, что завтра был намечен визит в привокзальное интернет-кафе и требовалось уже точно определиться с маршрутом.

Зазвонил мобильник – он только взглянул на цифры номера и не стал отвечать – звонила жена, а с ней ему хотелось разговаривать меньше всего. Впрочем, все незавершенные отношения следовало для меньших хлопот, ввиду предстоявших ему дел, отрегулировать так, чтобы не возникло нежелательных сложностей, да и просто нужно избегать людей, которым известно слишком многое про него. Он никогда не рассказывал, даже его нынешней, непонятно как случившейся жене, ничего о своей жизни до Германии – не хотелось, во-первых, во-вторых, он всегда чувствовал инстинктивно угрозу от того, что раскроет постороннему свою душу.

Он давно заперся ото всех и рассматривал себя, как выполнявшую некоторые ограниченные функции машину, к которой обращались лишь, поскольку не могли найти ближе и дешевле чего-то подобного. Точно так же интуитивно он ощущал, что надобности в его используемых функциях отпадут – что и произошло – и он вынужден станет использовать силу, оставленную когда-то в резерве. Ему всегда было легче, когда он знал, что им руководят и для него всегда

найдется задача, которую в состоянии мог выполнить только он, и он чувствовал свою неизношенность и скрытую, но, к сожалению, оказавшуюся ненужной, мощь... Тогда он сам поставил себе задачу, которую, как он был уверен, поставили бы ему и тогда, когда он был молод, быстр как молния, и не давал сбоев...

Рокотаев, вице-консул в Генконсульстве во Франкфурте, отсутствующим взором поглядывал время от времени во круг, когда надо было повернуть руль налево или направо или придавить педаль. Он ехал бездумно по вечернему августовскому Франкфурту и неожиданно для себя очутился на Зайланеранлаге, за которой высилась башня Боккенхаймерварте. Ему не хотелось совершенно возвращаться домой и он понял, что не сможет долго управлять машиной – до того отсутствовала в голове малейшая собранность – он съехал на обочину Боккенхаймерландштрассе на большую парковку у старого кирпичного здания брошенной фабрики, используемого для театральных постановок, и остановился. Некоторое время он сидел, решившись, выбрался наружу, энергично захлопнул дверцу и двинулся, даже не обернувшись на оставленную машину...

Рокотаев размышляя, что предпринять, посмотрел на часы – уже было восемь вечера, гораздо светлее, чем на юге, к которому он привык за много лет – и просто перешел трамвайные пути и свернул на Лейпцигерштрассе. Он любил эту уютную, узкую улочку, заполненную разноязыким народом,

большими и дешевыми супермаркетами и китайскими крохотными забегаловками на двух человек. Запахи азиатской кухни защекотали в носу, Рокотаев поколебался, но решительно двинулся дальше по улице и скоро очутился на Гиннхаймерландштрассе.

Он не очень хорошо знал эту часть города, точнее, он не исходил ее еще своими ногами, отсекая привычно время и дистанцию между поворотами улиц. И сейчас он, просто чтобы отвлечься, пошагал своим ритмичным, немного пружинистым шагом, не ставшим ни на чуточку менее упругим после оставленных позади лет. Он шел и чувствовал в себе радость от упругой походки, отмахивавшей привычно левой руки, от своей прямой спины... И постепенно, с каждой сотней отмеренных шагов, делалась меньшей забота и улетала охватившая его грусть...

Сегодня утром он представлялся новому Генеральному. Прежний молодой, перспективный, с аристократическим налетом, еле заметно, как дипломат, демонстрирующий превосходство потомственной касты, устроил в середине июня торжественный прием по случаю повышения в замминистры и, соответственно, убытия в славную столицу Москву. Как водится, присутствовали все консулы и высшие городские чины. Правда, эта баба-бургомистерша, Петра, сказалась занятой выборами и вместо себя прислала шефа протокола, педантичного занудного мужика, который почему-то именно его, Рокотаева, никогда не замечал. Рокотаев припомнил

ему уже после отъезда Липатова, когда он стал по рангу исполняющим обязанности консула и со злорадством прислал шефу протокола «бургомистрихи» (иначе он про себя ее не называл) приглашение на прием в связи с провозглашением независимости Южной Осетии.

Два года назад лично его, Рокотаева, Генеральный подставил под сбор заявлений от консулов, чинов городской администрации, прочих шарлатанов, возомнивших себя вдруг политическими деятелями. Дипломаты, как и подобало профессионалам, вырахались неопределенно вежливо, политики, как правило, не стеснялись, так что пришлось один раз вызвать Валеру, которого он знал с Бейрута и всюду брал с собой после этого, чтобы вывести охамевшего бюргера.

Валера, при всей его слегка простоватой внешности, криноносый и не похожий на «качков», обыкновенно сопровождавших «западников», внешне очень доброжелательно, завернул руку «политику» и вывел его через служебный вход. Валера все понимал с полуслова и никогда не давал никакого повода для малейшего скандала. Особенно забавно было, что скандала тогда ждали и перед главным входом в консульство сторожила толпа всяких типов с камерами...

Но шеф протокола оказался противнее всех – после произнесенной им ничего не выражавшим голосом ноты, Рокотаев покраснел, еле сдержал себя, чтобы поблагодарить и в ответ только и смог ядовито заверить, что такое важное сообщение он передаст не иначе как президенту страны. Они

оба тут же улыбнулись друг другу, как противники, оценившие силу и профессионализм друг друга. Но с того момента Рокотаев всячески показывал этому типу с усами, как он его не замечает.

Помимо протокольных мероприятий, на которых он откровенно изводился от бессмысленнейшей траты времени, ему вменялось, в гораздо меньших масштабах, чем прежде, руководство агентурой и составление рутинных информационных отчетов. Он знал, что эти отчеты никто не читал, агентуру, как таковую, особенно после того, как президентом стал «их» человек, по слухам, влюбленный в Германию, свернули, и Рокотаев маялся от бессилия, чувствуя свою полную ненужность и от бессилия же понять, какие же настроения сейчас у власти в родной державе.

А тенденции его откровенно удручали и бесили, особенно раздражала так называемая элита, уютно устроившаяся в Европе, куда он получил право на выезд и работу, хоть и важную для нормального государства, но совершенно не оцененную. И видя, какие дела проворачивали молодые, холеные люди, для которых он, со всей своей силой, знаниями, опытом, оплаченными кровью и потерями, был ничего не значившим «кадром», которого по непредсказуемой прихоти могли в ту же секунду выкинуть в отвал, он замыкался от яростной тоски.

Те труды, которые положил он, тысячи, таких как он, бескорыстных, живших исключительно долгом, оказались

изящно обращены теми, кто оказался наверху, в громадное благосостояние, а он, руки которого держали в свое время сильнейшие рычаги для устройства своей личной судьбы, так глупо, как ныне считалось, не воспользовался тем, что само шло в руки... И вот теперь хваткая, правда только в том, что касалось лично ее, молодежь и те, бывшие бесцветные комсомольские начальники, они были власть. А он – никто! И Валера тоже, чем только не испытанный, мог рассчитывать лишь на медальку по выслуге и вшивую пенсию, на которую даже не купить проржавевшие «Жигули»...

Но самым сильным образом Рокотаев был уязвлен, когда узнал, что его кандидатура даже и не рассматривалась, и Генконсулом Российской Федерации в сравнительно недавно открытом консульстве во Франкфурте станет пересидевший в Восточном Берлине, в посольстве, какой-то начальник консульского отдела. Ведь в те, советские, времена, было известно, что в дипмиссии в соцлагерь именно что ссылали самых бесперспективных и, в итоге, один из этих все-таки обошел его, Рокотаева, полковника, работавшего в Афганистане, под дипломатическим и безо всякого прикрытия от Ливана, до Южной Африки (а кто сейчас даже и вспомнит «тихую» войну в Анголе!?), в Южной Америке.

Тогда он не жалел себя, совершенно упустив из виду, что необходимо было подстраховаться на будущее, найти покровителей, чтобы поддержали, прикрыли, двинули... Но он был молод и, будучи аккредитован в многочисленных мис-

сиях рухнувшей великой страны, выбирал людей таких как он, готовых идти на риск, не любивших отчетов. Но оказалось, что искусство составления нужных и правильных бумаг давало самый верный шанс выйти наверх.

Он подозревал, никогда не доверяя полностью, хоть это и был один из «них», и президента в ловкости, гибкости, временами завидуя, что сам был обделен такими талантами, Президент сам прошел в свое время тяжелый путь (хоть и не такой, как Рокотаев) наверх и он осознал интуитивно, насколько тому невыносимо пребывать на самом верху, не будучи прикрытым людьми, которым доверяешь спину...

На представлении новый Генеральный вяло пожал руку Рокотаеву, совсем не поинтересовался, что запланировано на ближайший месяц и даже, что не позволяли себе даже совсем молодые, но хотя бы получившие МИМОшное образование, дипломаты, не пригласил никого в гости по случаю назначения. Прибывший двумя месяцами раньше него молодой, тоже кавказец (с раздражением отметил Рокотаев), секретарь, (ну прямо талантливый юноша «из самой Махачкалы») принимал до назначения нового Генерального дела – («вот теперь оба споются») – и раздражал Рокотаева своими лакированными остроносими, по моде турок, туфлями.

По иерархии Рокотаев, подчиняясь консулу, имел своих начальников, но за последние годы он стал осторожнее и выяснил вовремя, что новый Генеральный сам имел в те еще времена отношения к Комитету и свое повышение – это по-

сле двадцати-то лет в Гэдээре! – явно получил неспроста. А поэтому искать заступничества у своих не имело смысла, да и сами его заступники очень уж непрочно сидели на своих местах и, судя по ветрам перемен, дувшим наверху, благодарили еще пока судьбу, удержавшую их там...

Рокотаев искал выход в тоске, и ничего его не успокаивало лучше, чем бодрая прогулка, во время которой чаще всего и приходило нужное решение... Он уже шел, даже и не поняв, как он там очутился, по мосту над «пятеркой» – автобаном, сообщавшим Франкфурт с Оберурзелем.

Слева висела освещенная заходившим тусклым солнцем, громада, поросшей лесом, горы. А под ней, в далекой котловине угадывались группы светлых строений. Вид засыпавшей долины умиротворил Рокотаева и он отмерял шаги, все так же энергично отмахивая левой рукой, вдоль стены старого кладбища, под виадуком и очутился в совсем малознакомом Альт-Эшерсхайме. Миновав его, вышел к уже более исхоженному Эшерсхайму. Тут он постоял и вдруг решил сесть на трамвай, первый попавшийся из S1, S2 или S3... Сразу же подкатил, изогнувшись справа дугой S3...

Рокотаев сидел слева у окна, смотревшего в черную улицу, прочерчиваемую вереницей желтоватых огней...

Трамвай трогался, двери начали с шипением сдвигаться, как вдруг Рокотаев вскочил и в мгновении ока очутился снаружи. Подчиняясь неизвестному, он бодрым шагом направился к предыдущей остановке...

И, только увидев стоявшего в ожидании на противоположной стороне путей, человека, Рокотаев понял, что заставило его прийти сюда... Одновременно сработала привычка отрыва от наблюдения – оно могло вестись, в соответствии с его статусом, минимум с двух мест, скорее всего из этой запарковавшейся легковушки, потрепанного «фольксвагена» неприметного зеленого цвета, и подстраховывал, очевидно кто-то на улице. Рокотаев с ленцой приблизился к остановке, остановившись метрах в четырех от человека. Трамвая ждать долго не пришлось, Рокотаев не спеша пристроился к мужчине среднего роста, легко взбежавшему в вагон, и помедлив и пропустив женщину, тоже вошел в салон...

Устроившись позади и справа, Рокотаев по привычке изредка бросал взгляд на мужчину и с каждым разом узнавал того. Он выглядел моложе Рокотаева, хотя и был с ним одних лет, подтянут и сильно тронут сединой. В движениях незнакомца, становившегося все более знакомым, угадывались энергичность и скрытая сила. Рокотаев перешел к передней двери, внезапно остановился перед схемой маршрута, наклеенной над окном, согнул голову, всматриваясь в окно, будто не узнавая окрестности. Повернулся было к выходу, но опять снова всмотрелся в темень за стеклом окна и, извинившись, обратился к мужчине: «Entschuldigung? Können Sie mir helfen? Ich kann mich gar nicht zurechtfinden...» Мужчина бегло посмотрел на Рокотаева, тоже всмотрелся в темноту за окном и с паузой ответил: «Das ist schon nicht zu weit

von Hauptwache. Wo brauchen Sie eigentlich hin?» Акцент звучал чуть по-французски, с характерным легким, повышением тона в конце фразы. В глазах его Рокотаев углядел на миг вспыхнувшую искорку, как при узнавании человека, которого уже забыли и вспоминать...

Впрочем, это могло и показаться, но Рокотаев за долгие годы привык доверять инстинктам скорее, чем размышлению, особенно когда нужно было спонтанно определиться, какое принять решение. И тут он ни на миг не усомнился, что знает этого человека и работал вместе с ним. Рокотаев с виноватой улыбкой поблагодарил: «Ohne Sie wäre ich schon Gott weiss wo... Schönen Abend noch!» Еще раз улыбнулся и не спеша вышел.

На подземной платформе он еще раз улыбнулся через стекло недавнему собеседнику, тот еле улыбнулся в ответ и отвернулся. Поезд, набрав скорость, проехал мимо и скрылся в туннеле...

Рокотаев шел и уже будто проматывал перед собой все события, в которых ему довелось участвовать с этим, говорившим ныне на свободном немецком с едва различимым французским акцентом поседевшим мужчиной, с чуть кривоватым носом и изуродованным правым указательным пальцем...

Он тут же назвал себе и его имя и фамилию, которые, конечно, могли уже поменяться. Ясно ощутил он и его спину, к которой он тогда прижался, когда его, Рокотаева, подвер-

нувшего стопу во время сумасшедшего бега вниз по склону с перевала, выносили, время от времени осторожно снимая, чтобы отогнать наседавших «духов»...

Увидел он и, совершенно как наяву, глубокое звездное небо над горами, ощутил озноб от изнывающего холода в неизвестном, глубоком каньоне и свое постоянное забытье от выматывавшего бесконечного спуска...

...После того, неудачного, рейда Рокотаева отозвали в Москву, По предоставлении рапортов о командировке, он был повышен до долгожданного майора и послан в Анголу, в Ливан. В Бейруте его привлекли к разработке операции по освобождению двух бедалаг гражданских специалистов из Союза, похищенных, как это практиковалось на «дружественном» Востоке «на всякий случай» – для выбивания денег из «неверных»...

Но в этот раз братья по борьбе просчитались, было принято решение зарвавшихся палестинских «соратников по борьбе» поставить на место и с этой целью собрана группа из всевозможных специалистов. Так Рокотаев познакомился с Валерой, простоватым на вид прапорщиком из пограничников, но видно непростым, потому что на «встречу», окончившейся посланными, говорили, самому Арафату, двумя головами его подручных, все-таки ходили люди специфические...

Рокотаев добился зачисления Валеры в свою группу «техпомощи», как их называли в Комитете, всегда его возил с собой, и ныне они оба приземлились во Франкфурте. Спо-

койная служба Валеру совсем не тяготила, он всегда оставался тем же простоватым прапорщиком (офицерского звания ему так и не дали, но Валера не расстраивался), совершенно не изменился, оставался таким же суховатым и быстрым, несмотря на многочасовое просиживание в комнате охраны.

Особых обязанностей, кроме, разумеется, обеспечения охраны консульства и лично его, Рокотаева, Валере не нашлось, и он ежедневно осваивал миссию агента Бласковица на стареньком компьютере и описывал, подшучивая над своей нерасторопностью, перипетии борьбы с фашистами в мрачных коридорах Wolfschanze.

Но сама служба Рокотаева обесценилось с того памятного всем мига водружения на танке и вслед за тем в верховной власти громадного алкоголика с трубным ревом, хотя он и занял свое выстраданное место в иерархии, не самое достойное его, но и не самое последнее...

Начались перемены, от которых начальство впадало в полную проstration, а его непосредственный шеф просто заперся после очередного перетряхивания Службы в кабинете до ночи. Злые языки шептали, что ночи напролет...

На совещаниях, в те немногие паузы между перетрясками, шеф бодро начинал летучку со вступления: «Надо быть во всеоружии!» Судорожные перемены неустанно перемалывали всех и вскоре подвергся тотальному сокращению отдел специальных операций.

Новые и молодые, начитанные советники в дорогих ко-

стюмах сочли, что наступили всеобщий мир и разоружение. Верховный алкоголик не дал себя долго уговаривать и однажды утром всех, кто пережил утряски, представили новому начальнику – благообразному интеллигентному мужчине с аккуратной бородкой и вежливыми манерами.

«Прошу Вас» – прозвище впечаталось в его лоб после первой же встречи – разъяснил новую политику: теперь все должно быть гласным, должна соблюдаться честность с партнерами и никаких секретов от них и, не дай боже, каких-то слежек и подслушиваний.

Приятель Рокотаева, с кем они на некоторое время пересеклись в Анголе, после инструктажа быстро написал что-то на чистом листе бумаги, резко встал, хлопнул ладонью по листу, бросил, глядя перед собой и ни разу не посмотрев на ухоженную с изящной проседью бородку, два слова: «Прошу Вас!» и вышел из кабинета...

Некоторое время стояла тишина. Зазвучал приятный, слегка картавый голос: «Итак, господа, все вы в курсе. Прошу Вас, выскажите свои замечания.»

Снова повисла гнетущая тишина. Воронский, генерал, в далекую бытность курировавший деятельность Комитета в Юго-Восточной Азии, ходивший не раз по «тропе Хо-Ши-Мина» по диверсионным делам в Южный Вьетнам, отозвался: «Документ очень важный... Товарищ. Генерал!?!...надо еще раз рассмотреть и представить замечания...»

Новый начальник сощурил глаза, бородка его дернулась:

«Прошу Вас выслушать. Хотел бы довести до общего сведения, что с этих пор фигурирует обращение «господа и господин». Это если в единственном числе...»

Тут он внимательно посмотрел на Воронского. Тот внезапно встал во весь громадный рост, с шумом отодвинув стул: «Слушаюсь, господин генерал...!?» «Я не генерал, а поставленный народно избранным президентом директор государственной службы безопасности. Впрочем, не надо так вставать. Прошу Вас.» Воронский сел, так же шумно придвинув стул.

Снова повисла пауза... «Тов...Господа, я согласен с мнением...э. – э...вот господина, что только что выступал, что документ надо проработать по подразделениям и расписаться в согласии с новыми правилами...» Опять тишина. Рокотаев воровато огляделся вокруг, не поднимая лица – все сидели так же, с опущенными лицами, углубившись в чтение...

Дверь кабинета отворилась, вошел один из этих, похожих как близнецы, молодых людей с манерами фарцовщика. Он не обращая ни на кого внимания, обогнул стол, подошел к новому шефу и зашептал ему в ухо...

«Совещание, господа, считаю закрытым... Я извещу вас в случае надобности, когда надо будет решить тот или иной вопрос. Прошу Вас». Все встали как один и в беспорядке вышли толпой из кабинета.

В приемной – откуда только успела взяться!? – молоденькая секретарша, с таким же выражением лица, что и на мо-

лодом человеку, пробежав глазами по ним, как будто пересчитывая, встала и закрыла массивную дверь. Села за свой столик: «Господа, пожалуйста, не задерживайтесь, у директора совещание, он вызовет вас, когда вы понадобится...»

Воронский недобро посмотрел на девицу, покачал головой и двинулся к выходу, зажав папку между пальцами громадной руки и хлопая ею себе по бедру. За ним протиснулся и Рокотаев.

В коридоре Воронский обратил к нему ставшее внезапно красным лицо, сузив хищно глаза: «Бл. Дожили до господ...» И потопал прочь...

Еще противнее наступили времена с появлением в кабинете главы МИДа небольшого человечка с немного навыва-те глазами, чуть толстоватым носом, ознаменовавшего полную дружбу с навсегда оставшимся для Рокотоаева и остальных его соратников по разваливавшейся службе «вероятным противником».

Человечек взял громадную власть над алкоголиком, становившемся уже недоступным ни для кого, кроме каких-то непонятных дельцов, и, как подозревал Рокотаев, озвучивал принятые при очередной пьянке в сауне решения...

Доходило, как доносилось от приятелей, уже просто до вызова по домашнему телефону к дочке «самого» и получения инструкций – о соблюдении каких-то элементарных процедур с подписями и печатями уже речь и не шла – от не думавшей даже изобразить подобие приветствия бабы, ино-

гда чуть ли не в ночной рубашке...

Частенько рядом ошивался Осиновский, вилял спиной, подкладывал бумаги, подсказывал елеиным голосом. Некоторые, слишком осторожные, просили письменных распоряжений. «Людка» лениво махала рукой, мол, и так все ясно.

Ничего не оставалось делать, если хотелось обеспечить старость, как поворачиваться кругом и идти, проклиная все на свете... Осиновский как собака чуял колебания воздуха, шелковым голосом шептал «Людке», что сейчас разъяснит все в прихожей и тотчас же прилетит...

В приемной звучали иные слова и совсем по-другому: «Ты, му. к, заткни еб. о и выполняй... Иначе закопаю тебя... Пшел вон...» Служивые скрежетали зубами, шипели, что пристрелили бы падлу... Но выполняли и рапортовали...

В связи с провозглашенной «дружбой» приходилось сдавать – по приказу! – все годами и кровью наработанные результаты. Места, освоенные славянами, заполнились другими бледнолицыми, быстро и споро инвентаризовавшими огромное хозяйство бывшей державы.

А держава веселилась, радовались в телевизионных шоу, повывлазивших отовсюду на всех каналах, которых тоже стало много, «как у людей». Держава веселилась, когда ее начали наводнять невиданные с той еще Войны новые беженцы, рассказывавшие об ограблениях, убийствах. Этих беженцев, естественно, никто не ждал, их отнесли к тем, кто «не умел жить» и «не вписался в прогресс».

Снова по улицам и расплодившимся «барахолкам», называемым рынками, стали бродить беспризорные дети... Сели на улицах, в метро, и, конечно же, на рынках инвалиды...

Все вернулось вспять, будто вычеркнуты из жизни стали все годы беспримерных жертв. Ненужными вдруг стали все, кто что-то умел делать, кроме денег, те, кто рисковал, воевал...

Рокотаеву стало снова тошно от этих воспоминаний, затопивших его со странной встречей с прошлым через два десятка лет. Он смутно сознавал, что должен предпринять что-то, что, по-крайней, мере успокоит его. Сегодняшняя короткая встреча столкнула его с места, как начинают разбегаться от неосторожного удара ледорубом неуловимым змеями трещины на, казалось до того, заснувшем на века монолите ледника...

...Осмотр спуска к реке по каменной лестнице ничего не дал. На мокрых, то ли от утренней влаги, то ли будто облитых (Бремикер подумал о старике с собакой) ступеньках оставили лишь грязь ботинки сотрудников полиции. Для детального осмотра нужно было время и еще несколько человек. Бремикер решил пока их не вызывать до прихода Грейнера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.